

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2: 81

О.Б. Панова, А.Н. Белова

ГЁТЕ И МИР ВОСТОКА: К ВОПРОСУ О МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЯХ КУЛЬТУРЫ

Рассматривается «восточное» творческое наследие Гёте в контексте духовного взаимодействия культур Востока и Запада. Обосновывается, что глубокая связь поэтического творчества Гёте с восточной культурой обусловлена не только его серьёзным интересом к Востоку, но присущим ему особым миропониманием, которое является в корне «восточным» – соприродным и гармоничным Миру. Выявляется концептосфера «восточного текста» Гёте, образованная смысловым единством общекультурных мировоззренческих универсалий: Мировая Душа – Всеединство – Сотворение Мира – Любовь – Истина – Радость – Вечность – Природа – Вечная Женственность – Красота. Язык поэзии хранит «восточную» мудрость души поэта, память о древнейших откровениях Востока.

Ключевые слова: Культура; Восток; Запад; поэзия; язык; миропонимание; культурные универсалии.

Повышенное внимание к восточной культуре и восточному мировосприятию в настоящее время вызвано очевидностью значимости диалога Востока и Запада, влияние которого на дальнейшее развитие Мировой Культуры в целом и общечеловеческое мировоззрение сейчас уже не вызывает сомнений. Изначально исходящие из Вселенского Целого, Великого Всеединства Культуры и имеющие «глубокие корни общности» [1], Запад и Восток «самопознаются друг в друге» [2. С. 30], взаимообогащаясь духовно и постепенно сближаясь, следуют естественным путём мирового развития к встрече, как бы вновь возвращаясь к тому всеединству первоистоку (ведь «Все пути ведут к Одному», – на века вперёд сказано в «Ицзине», китайской классической «Книге Перемен»), и потому постоянно вновь и вновь оказываются перед необходимостью диалога и поиска «общего» языка.

«Есть изменчивое, подверженное времени, и есть неизменное, не подверженное ему... Одни называют это Мировой Душой – *Urseelentum*, другие изначально чистой природой (*син*), Великим Единым, Дао – суть одна. В изменчивом есть неизменное, и есть истинно-сущее, или Истина, поисками которой занят ум человеческий на протяжении всей своей жизни. Извечный диалог культур, противоречия, поиски ответов на вопросы... две парадигмы: к чему устремлён Мир (*Логос*) и как он это делает (*Дао*) образуют Целое», – отмечает авторитетный востоковед и историк культуры Т.П. Григорьева [2. С. 40, 272–273]. Потому неизменным остаётся и взаимопритяжение культурных миров, изначально неразделимых и причастных *Единому Сердцу Вселенной*, и вечное стремление западных мыслителей, философов и поэтов приткнуться к живому Откровению Востока. Это стремление Герман Гессе, на протяжении всего творческого пути искавший вдохновения в восточной мудрости, обозначил метафорой «*память восточного Востока*», имея в виду Восток как страну Духа, духовную родину: «...в вышем и подлинном смысле, это шествие в Страну Востока было не просто моё и не просто современное мне; шествие истоковых и предавших себя служению братьев на Восток, к истоку света, текло непрерывно и непрестанно, оно струилось через все столетия навстречу свету,

навстречу чуду, и каждый из нас, участников, каждая из наших групп, но и всё наше воинство в целом и его великий поход были только волной в вечном потоке душ, в вечном устремлении духа к своей отчизне, к родине, к утру, к началу. Познание пронизало меня как луч, и тотчас в сердце моём проснулось слово... слово поэта Новалиса: «*Так куда идём мы? Всё туда же – домой*»... наша Страна Востока была не просто страна, не географическое понятие, но она была отчизной и юностью души, она была везде и нигде, и все времена составляли в ней единство вневременного... наше Братство... проходит через всю мировую историю... Зороастр, Лао-Цзы, Платон, Ксенофонт, Пифагор, Альберт Великий, Новалис и Бодлер – основатели Братства и его члены» [3. С. 29–30, 36, 47]. Особый интерес в этой связи вызывает «восточное» наследие классиков Мировой Культуры, в котором запечатлены важнейшие исторические моменты процесса *духовного* взаимодействия Востока и Запада; представляется необходимым его осмысление в указанном широком контексте исследования диалога западных и восточных культур.

В истории Человечества встречались мыслители и поэты, подлинные «хранители дома Бытия», в душе которых Восток и Запад истинно едины и действительно образуют Целое. На вечном пути Запада к Востоку одним из таковых был Гёте – по сути, *классик Мировой Культуры*. Его личность, творчество и философско-поэтические искания открывают перспективы для глубоких размышлений о сокровенной духовной связи и непрерывном диалоге Запада и Востока, а интерес, проявленный к нему, – об интеллектуальных контактах европейских, русских и восточных мыслителей (среди мыслителей, несомненно испытывавших серьёзное влияние Гёте и преломивших его в своих философско-культурологических концепциях, практически все значительные философы культуры). В случае Гёте оказываются сопряжёнными Разум и Сердце, временное и Вечное, единичное и Единое, индивидуальное и всеобщее, Человек и Мир, Восток и Запад, обнаруживается изначальная неделимость Целого, потому и оказывается возможной вера во Всемирную Культуру Человечества.

К Востоку Гёте сознательно обращался на протяжении всей своей долгой жизни, считая, что Восток, по-

родивший древнейшие культуры, одаривший человечество глубочайшими духовными прозрениями и великими шедеврами искусства, может многое открыть разуму и сердцу европейца, творческое соприкосновение с духом Востока способно оживить измученную потрясениями Европу. Его внимание привлекали иудейская древность, арабский Восток, Персия, Китай, Индия. Сам Гёте неоднократно подчёркивал, что его путь на Восток в стремлении соединить родное, ближайшее с далёким, казалось бы чужим – путь в глубь веков, к истокам Всечеловеческой Культуры. Его духовное «паломничество в страну Востока» – совсем не единственный случай, но вполне закономерно в русле всего эпохального философского поиска, коренным образом связанного с историко-культурным процессом, длящимся тысячелетия и на рубеже XVIII–XIX вв. отнюдь не оканчивающимся, нашедшим отклик в будущем.

Век Канта и Гёте – скорее одна из вех этого процесса, возможно, момент его наивысшего напряжения; отсюда – и чувство родственности с Грецией, в древности пребывающей в сходной ситуации философского самоопределения, и открытие за Грецией, где стихийность Диониса уравнивалась формой Аполлона, ещё более древнего Востока с его безграничным эстетическим опытом. Этот момент особо отмечает авторитетный германист, историк культуры А.В. Михайлов в научной статье «Гёте и поэзия Востока», одной из немногих в русской гётеане работ, всесторонне освещающих восприятие восточной культуры великим немцем. Исследователь говорит об «осевом времени» (в смысле, заложенном в это понятие К. Ясперсом [4. С. 29–99]), времени вхождения Человечества в пограничную ситуацию, возникновения культурной саморефлексии Человека, начала Всемирной истории, о всегда открытой возможности истории – движении Человечества к «новому осевому времени», эпохе Единой Всемирной Культуры, подлинного Единства Человечества на основе универсальных духовных ценностей, выработанных народами великих культур древности: «...история культуры как существенная традиция определяется для него (Гёте) *осью*, соединяющей классическую древность с современностью... Античность – современность: вот *ось традиции*, вокруг которой собирается и накапливается всё культурно-ценное. Это европейская культура в самом широком смысле, культура, предопределённая классическим идеалом Античности. Современный европеец для Гёте – наследник традиции; Античность – её смысловое, определяющее ядро... Это время, рубеж XVIII–XIX веков, чувствует свою внутреннюю связь с Грецией, – и такая связь не случайна, не поверхностное сопоставление и не игра в древность с подражанием её формам и их воспроизведением, но существенно определившееся сходство начал и концов известного – впрочем, громадного по временному диапазону – исторического периода. В Греции мыслители новой эпохи узнают начало того, что теперь, в настоящем, подходит к концу; устремление к Греции – это устремление к своим истокам, к истокам своей, современной культуры, смыкающейся с греческой древностью так, как смыкаются начала и концы одного процесса, устремление к исконности, поиски самого исконного, изначального... За Грецией, с

её классической гармонией и идеальностью... открывался *Восток и целая стихия восточного*, не обузданного ещё греческой мерой... Гёте в своих востоковедческих интересах поддерживается громадным, нерастраченным порывом истории к своему самопознанию. Вот почему так естественно предположить *углублённость связей Гёте с Востоком*, – они не поверхностны... они глубоки и в эту эпоху, кризисную и поворотную, заданы самой историей, служат элементами её языка... Гётевский синтез живёт напряжённостью между культурами, между культурными кругами, между Западом и Востоком... Восток Гёте – Восток глубокой тяги к исконным смыслам культурной истории, Восток как конкретная историческая реальность, разыскиваемая в субстанциальности своего бытия, Восток как “незнакомое” начало, подсказываемое развитием собственного гётевского творчества, – *языка тысячелетней европейской культуры, наконец*» [5. С. 623–624, 636–637, 643].

Однако глубокая генетическая связь поэтического мира Гёте с миром Востока обусловлена не только этим серьёзным интересом к восточной культуре, проявившимся у него на протяжении всего творческого пути. *Уникальность* Гёте, его принципиальное отличие от других западноевропейских мыслителей, особенно философов «классического» направления философствования, в том, что ему свойственно *прирождённое «восточное»* поэтическое мировосприятие. Подобно *восточному мудрецу* [6], он наделён интуицией *сродства*, его душа вмещает в себя Вселенную, ибо изначально единокордна Мировой Душе.

Миропонимание Гёте, в истоке которого – не принцип «мир есть моё представление», но принцип «*мир есть моя любовь*», неоднократно оказывалось в центре исследовательского внимания историков и философов культуры, единодушно считавших его не просто близким Востоку, но в корне «*восточным*» – *соприродным и гармоничным* Миру.

В работе о различных типах мировоззрения и возможных на их основе вариантах метафизических систем Вильгельм Дильтей подвергает исследованию историю метафизики, которая с древнейших времён была и остаётся учением о мировом бытии как целом и попыткой постижения природы (тайны) вселенского единства. Философ, наделённый жизненной мудростью, выявляет ведущий, в его понимании, тип мировоззрения, дающий метафизическое откровение, который называет *объективным идеализмом*. Объективный идеализм предполагает не фатальный разрыв между Я, самодостаточным Его и действительностью, не противопоставленность Гносеологического субъекта Миру и установление истины в субъективном смысле точного совпадения представлений с познаваемым предметом, но её обретение в объективном смысле посредством эстетического созерцания проявления Божественной воли в вечно творимом мире и поэтического переживания абсолютной полноты Бытия, вселенской гармонии. Гёте, естественно следовавшего древнейшей философской традиции (философия жизни) в русле общего «восточного» течения в интеллектуальной истории Запада, Дильтей относит к мыслителям именно такого типа мировоззрения (такowymi философ считает также Гераклита, Джордано Бруно, Лейбница,

Спинозу, Шейдтсбери, Гердера, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Шлейермахера). В основе их «метафизического творчества» – особый отличительный принцип. «Это – принцип *единосущности всех частей Вселенной с божественным основанием и между собой*. Он соответствует настроению мировой симпатии, познающей в действительном, пространственно ограниченном повсеместное присутствие Божества... Благодаря расширению, растворению нашего Я в универсальной симпатии мы наполняем всю действительность ценностями, переживаемыми нами, действиями, выражающими нашу сущность, верховными идеалами истины, добра и красоты. Мы находим в действительности отголосок тех настроений, которые она в нас пробуждает. И по мере того как наше *чувство жизни* расширяется до сознания единосущности со всеми явлениями действительности, повышается *радость жизни*... При такой настроенности души индивидуум сознаёт свою связь с божественным всеединством вещей, чувствует себя родным всему включённому в это единство. Никто не выразил это настроение так ярко, как Гёте» [7. С. 251–253].

Метафизические искания Дильтея и его выводы относительно истории метафизики наводят на размышления о «восточном» и «западном» вариантах онтологии (в истории отечественной философии им даны названия «классическая» и «неклассическая») в широком историко-философском контексте. Георг Зиммель, философ жизни, наиболее удачно осуществивший замысел подлинной биографии Гёте в подробном и всестороннем философском исследовании, посвящённом творческой личности гения, сосредоточенный на «идее Гёте» в Культуре, на выявлении «чистого смысла» бытия Гёте в истории Человечества («каков духовный смысл существования Гёте вообще?»), попытался понять *Urphänomen Гёте*, давший сильнейший импульс развитию философии жизни и философскому постижению Культуры и далее проявившийся в самых значительных философско-культурологических концепциях. На примере способов мышления и видения Мира Канта и Гёте философ рассматривает два вида онтологий: *восточную* и *западную*. Канта, противопоставившего Миру Чистое Сознание, Трансцендентальное Его, Гносеологический субъект, полностью отвлечённый от Мира и пребывающий в позиции надмирности, властно формирующий Мир в соответствии с законами строгой логики, он относит к чисто *западному* типу человека, с присущим ему *мировоззрением*. Гёте, напротив, – к *восточному*, которому глубоко свойственно бытие-в-Мире, единение с Природой, восприятие себя как неотъемлемой части Вселенной-Целого – *мировосприятие* [8. С. 242, 340, 219].

То, что Гёте – *поэт*, принципиально важно в обозначенном контексте размышлений, если понимать *Поэзию* не в узком смысле этого слова, как создание стихов, мастерство стихосложения, но в более глубоком – как древнейшее *ποίησις*, само Творчество, универсальное Миротворческое начало, созидющее Вселенную, ту живую творческую стихию, которая в Древнем Мире дала возможность возникновения всех культурных практик: мифологии, религии, искусства, философии, науки, изначально пребывающих в единокровной связи в «доме» Мнемозины, Памяти. «Всем

поэтам принадлежит учение о вечном Востоке. Тебя я называю вместо всех других», – пишет Ф. Шлегель Новалису [9. Т. 1. С. 364], имея в виду именно поэтическое мировосприятие и причастность поэта высшим сферам Духа, духовному началу Вселенной.

Гёте, несомненно, находился в самом центре лингвофилософских исканий своей эпохи, оставившей эпохам грядущим завет, что «Поэзия впервые делает язык возможным», и потому «сущность Языка должна пониматься из сущности поэзии» [10. С. 81–91]. Его «восточные» художественные откровения явились поэтическим ответом на эпохальное философское вопрошание о природе и сущности Языка. Открытие глубоко духовной природы Языка смогло состояться только в результате привлечения всех интеллектуальных сил эпохи: плодотворного контакта трансцендентальной философии Канта, философии абсолютного духа Гегеля, философии откровения и философии искусства Шеллинга, эстетических концепций европейских романтиков, философии истории Гердера, философии языка и культуры В. фон Гумбольдта и – эстетики и поэзии Гёте. В суть этого открытия и эпохального философского завещания наиболее глубоко сумел проникнуть, видимо, Г.-Г. Гадамер: «Понятию *Духа*, выходящему за пределы субъективности его, *имеется действительное соответствие*. Это явление Языка» [11. С. 26].

Эпоха Гёте действительно смогла соотносить становление *Духа* (Гегель) с развитием *Языка* (Гумбольдт), увидев истоки и корни этого в глубинной мифологической *Памяти* (Шеллинг). В работе «Философия языка и слова» Ф. Шлегеля читаем: «Что касается происхождения, а именно реального исторического происхождения не языка вообще, а отдельных... языков, особенно тех, которые... могут считаться *праязыками*, то главный момент для правильного взгляда на них состоит в том, что мы должны объяснять их самих и их возникновение и первоначальное формирование не из смешения... но представлять их как *созидание в целом*, подобно тому, например, как и теперь ещё *поэтическое творение* или любое другое истинное произведение искусства возникает из *идеи целого*... Следовательно, не отдельными частями, но из всей полноты внутреннего мира и живого сознания возник и возникает *Язык*, одним разом как единое создание в целом... И *Язык вообще как нить воспоминания и традиции, соединяющая все народы друг с другом в их последовательности, это как бы общая память и великий орган воспоминания всего человеческого рода*» [9. Т. 2. С. 363–364]. Язык рассматривается им как хранитель памяти Культуры, сосредоточивший в себе всю мудрость истории Человечества. Язык – дар не отдельным людям, но целым народам, этносам, культурам – *Человечеству* в целом. Язык превосходит нас, теряясь в глубоком прошлом и уходя в будущее, он – нить, связывающая отдалённые исторические эпохи и поколения, предков и их духовных наследников, пророков, наставников и учеников; он – всеобщая память Человечества и перспектива возвращения к истокам. Язык – скрещение времён и судеб, *предание и пророчество*, хранитель мудрости глубокой старины, память минувшего и предсказание будущего, всеохватность течения истории человеческого рода и утверждение её *сверхи-*

сторического смысла. В наибольшей степени свидетельствует об этом язык искусства и поэзия. Поэзия, согласно Канту (и в этом, так или иначе, сходятся авторы всех классических эстетик), является высшим видом искусства, способна эстетически возвышаться до идей [12. С. 344–345]. Однако Шлегель гораздо глубже проникает в историю Языка. Размышляя в той же работе о сущности поэзии, он, упоминая Платона, говорит о *томлении (Sehnsucht)* – *грусти* человеческой души по своей небесной родине, миру вечных божественных идей, идеальных образов, нетленных сущностей, *тоске* сердца по божественному первоисточнику Жизни, *ностальгии* по источнику вечной Жизни, невыразимой Красоты, незыблемой Истины, чистой божественной Любви. И именно эту *ностальгию*, имеющую глубокие сверхсознательные корни, мыслитель считает истоком творческого вдохновения, причиной возникновения поэзии, сердцевинной искусства. «Воспоминание вечной любви в том, что касается его влияния на искусство, хотя и представляет собой лишь единое чувство, или единую врождённую идею... однако его воздействие может быть всеобщим и простирается на всю область сознания в целом. Все прочие чувства внутреннего человека, все мысли, представления и идеи мыслителя, или все образы, картины, идеалы художника, погружённые в это единое чувство вечной любви, как в море или поток высшей жизни, духовно преобразуются и возвышаются или превращаются в чистую красоту и совершенство... поэзию вообще можно было бы назвать трансцендентальным воспоминанием вечного в человеческом духе...» [9. Т. 2. С. 367–368]. Язык, храня духовную память, сам как таковой является Поэзией и от природы наделён творческой способностью восхождения к высшему совершенству.

Из письма Гёте Вильгельму фон Гумбольдту, Веймар, 24 декабря 1821 г.: «...чрезвычайно удачно... Вы указываете, что язык... может и должен в себе и посредством себя *выразить, определить и расширить всё человеческое от глубин его до вершины*. Указав на это, Вы, мой дорогой, поставили передо мной зеркало, в котором я в конце моего пути вижу, что я *в качестве поэта*... дал, и что должен был дать» [13. С. 463]. В чём состоит призвание и предназначение поэта? О ком бы из поэтов-романтиков той эпохи столетия спустя ни говорил М. Хайдеггер (Гёльдерлине, Новалисе, Гёте, да и о своих современниках тоже – С. Георге, Г. Тракле, Р.-М. Рильке), близких ему и *воплощающих* с его точки зрения, существенное самой сущности Поэзии (значит, самого Языка в его сути), он говорит о *вестниках* богов, интуитивно чувствующих божественное присутствие в слове, божественную полноту и совершенство Языка. В комментариях к элегии современника и соотечественника Гёте Гёльдерлина он пишет: «Элегия “Возвращение на родину” – это не стихотворение о возвращении на родину, но *в качестве явления поэзии, каковым она является, эта элегия есть само возвращение к родине*, которое всё ещё происходит, пока элегическое слово звучит в языке немцев... *Возвращение на родину есть возврат в близость к источнику*... Призвание поэта – такое возвращение на Родину, которое впервые готовит Родину как страну близости к источнику... «Творение стихов – *невиннейшее из творе-*

ний» (Гёльдерлин)... *Язык – поле «невиннейшего из творений»*... «Полон заслуг, однако *поэтически* *жительствоет* человек на этой земле» (Гёльдерлин)... Оно (человеческое бытие) *в основе своей поэтическое*. Но мы теперь понимаем поэзию как учреждающее именование богов и сущности вещей. «*Проживать поэтически*» значит *пребывать в присутствии богов и быть затронутым близостью сути вещей*... Это означает, что оно как учреждённое (основанное) – не заслуга, а дар... *Творение стихов есть изначальное именование богов*. Но поэтическое слово лишь тогда наделяется его именующей мощью, когда боги сами приводят нас к языку... Поэт не только именуется богов, но именованием возводит все вещи в то, что они суть... сущее этим именованием впервые словополагается в то, что оно есть... Поэзия – это несущая основа истории и потому также – не только некое культурное явление и уж тем более не просто “выражение некой души культуры”... Поэзия есть словесное учреждение бытия... Поэзия никоим образом не воспринимает язык в качестве какого-то наличного материала, а сама впервые делает язык возможным... Святое дарит слово, и само приходит в этом слове. И это слово есть происшествие святого... Слово Гёльдерлина высказывает святое и тем самым именуется неповторимое пространство-время начального решения о структуре сущности будущей истории богов и человечества» [10. С. 45–55, 81–91].

Хайдеггер говорит здесь об избранных *небожителях* земли – тех, кто истинно «поэтически жительствоет на этой земле», т.е. пребывает в непосредственной близости к богам и причастен сокровенной сути вещей, тех хранителей «дома Бытия», берегущих предание небесных орфических глаголов. Только они способны уловить след временами ускользающего Логоса и всегда – в ожидании благоСловения, «благой вести», возвращения богов, ведь боги не покидают Мир, просто иногда отдаляются. Именование, то есть утверждение бытия словом и в слове – их призвание. С каждым наивным, чистым словом поэтов в Мир приходит священное, божественное, вечное, прекрасное, доброе, подлинное.

Иначе говоря: устами «невинных младенцев» глаголет Истина. Поэты *именуют богов*, и вся поэзия как таковая – именование *богов*. Помнится, и Сократ у Платона в «Кратиле», тысячелетия тому назад пытаясь постичь сущность Языка, рассуждал именно об *именовании богов*. Именованье *богов* – что это значит? Речь здесь идёт о Языке как о таком изначальном *очеловечивании* сущего, когда человек, конечное существо, познавая свою бесконечную, богоподобную сущность, постигая свою возвышенную, абсолютную, подлинную природу, обретает в Языке божественное откровение о себе и Мире. Древние представляли богов реальным воплощением любви, потому что сами глубоко любили Мир, придавали богам качества мудрости, справедливости, доброты, смелости, потому что мудрость, справедливость, доброту, смелость считали высшими человеческими достоинствами. Язык, чистейшая поэзия, *невиннейшее из творений* – сотворение и свершение, *совершенствование* Мира. Язык – поэтическая мудрость Жизни, в его памяти хранятся сокровенные имена самих сущностей вещей, он сам посредством поэтов способен именовать богов, очеловечивая Мир. Чистое

вестничество в истории Человечества вверено поэтам. Им навсегда доверен и дарован «совершенный» язык – поэзия, высшее из искусств. Совершенный – в смысле проречения Истины, потому поэты, призванные хранители Языка, «дома Бытия», – истинные «вестники богов», «вестники божественного присутствия в слове». Язык поэзии совершенен, ибо являет высшую возможность Языка как такового, и его подлинное предназначение – сохранить и донести Истину, сберечь Откровение Бытия. Это хорошо понимал Гёте, об этом он и написал Гумбольдту.

Гадамер, в этой связи, говорил о «*возвышенных текстах*», наследующих традицию древних священных книг Человечества; *возвышенных* в смысле их *поэтичности* как высшей формы существования Языка, особой целостности их природы – текстуры, сплошь сотканной мифопоэтической символикой [14. С. 276–279]. Их непревзойдённые образцы – «Божественная комедия» Данте, «Гамлет» Шекспира, «Потерянный рай» Мильтона, «Фауст» Гёте – поэмы-воспоминания о «потерянном рае», говорящие языком поэзии – языком откровения. К таким возвышенным текстам можно отнести и «восточное» наследие Гёте – единый «восточный» текст, который составляют поэтические циклы «*West-Östlicher Divan*» / «*Западно-восточный диван*», «*Gott und Welt*» / «*Бог и Мир*», «*Chinesisch-deutsche Jahres und Tageszeiten*» / «*Китайско-немецкие времена года и дня*» и прозаические произведения «*Израиль в пустыне*», «*Персы*», «*Арабы*». Весь он в совокупности выражает суть его эстетики, является призывом к постижению Великого Всеединства, мировой взаимосвязи и той глубокой Духовности, которой исполнена Вселенная.

Язык древнее человека и при этом присущ человеку: он принадлежит одновременно Вечности Логоса и Истории, Времени, он – нить, связывающая «время богов» и «время людей». Язык *временится* как само Бытие, если исходить из гераклитовой версии онтологии, предполагающей понимание Бытия как Жизни, означающей универсальную всеобъемлющую взаимосвязь всего и вся – Живое Всеединство Вселенной. Соответственно ему присуща текучесть, динамичность, нестабильность, но одновременно способность превосходить все эмпирические измерения времени; он – надвременная реальность. Язык придаёт всему ценность, наделяет значением, вносит смысл – вводит Мир в аксиологическое измерение. Язык устанавливает смысловые вертикали и уходит в неведомую глубину, проникая в самую суть вещей, сопрягая Всеобщее с индивидуально-неповторимым, уникальным, особенным, Единое с единичным, Абсолютное с относительным, Вечное с временным, Всемильное с человеческим. Язык, единство движения и покоя, наделён способностью «остановить мгновение» (в гётевском смысле) и извлечь Вечное из безнадежно ускользающего, переходящего, текучего, изменчивого. В поэтической памяти Языка навеки сохранено духовное наследие Великой Древности: «имена богов» запечатлены в архетипах, знаках, символах, культурных универсалиях, или, как всё чаще говорят сейчас, концептах.

Согласно авторитетному историку культуры Д.С. Лихачеву, под концептом следует понимать «уни-

версалию человеческого сознания», границы которой «в сознании субъекта определяются культурной памятью, причастностью к духовной традиции» [15. С. 282]. На этот момент обращает внимание и наш современник – академик В.С. Стёпин: «В глубинных основаниях культуры можно выделить базисные ценности, фундаментальные жизненные смыслы... Это те смыслы, которые мы вкладываем в понимание человека, природы, пространства и времени, истины, красоты, свободы, справедливости, добра и зла, совести, долга. Эти категориальные структуры именуются по-разному: категориями культуры, идеями, концептами. Я называю их *мировоззренческими универсалиями*... Смыслы мировоззренческих универсалий определяют не только рациональное осмысление, но и переживание человеком мира» [16. С. 6].

Гёте переживает Вселенское Всеединство Человечества как глубоко личное в подлинном смысле, т.е. – интимное, сокровенное, и Язык Поэзии хранит «восточную» мудрость души поэта, память о древнейших откровениях Востока. Концептосфера его «восточного» наследия образована смысловым единством *концептуальных универсалий*: *Weltseele* (Мировая Душа), *Einheit von allen* (Всеединство), *Schaffung der Welt* (Сотворение Мира), *Liebe* (Любовь), *Wahrheit* (Истина), *Freude* (Радость), *Ewigkeit* (Вечность), *Natur* (Природа), *Ewige Weiblichkeit* (Вечная Женственность), *Schönheit* (Красота). И это, по сути, общекультурные мировоззренческие универсалии, аккумулирующие весь исторически накопленный с древнейших времён духовный опыт Человечества в целом, обращающие человеческое сознание к праначалу, *универсалии Всемирной Культуры*, исток и родина которой – Душа Востока [17].

«*West-Östlicher Divan*» / «*Западно-восточный диван*» задумывался Гёте как «паломничество» европейского поэта на Восток, чтобы приобщиться к духовным откровениям древних культур и начать для себя новый круг «поэтического» летоисчисления. Сборник открывает стихотворение «*Hegire*» / «*Гиджра*» (само слово «гиджра» означает бегство Магомета, положившее начало магометанскому летоисчислению). «*Nord und West und Süd zersplittern, / Throne bersten, Reiche zittern, / Flüchte du, im reinen Osten / Patriarchenluft zu kosten, / Unter Lieben, Trinken, Singen / Soll dich Chisers Quell verjüngen. / Dort, im Reinen und im Rechten, / Will ich menschlichen Geschlechtern / In des Ursprungs Tiefe dringen, / Wo sie noch von Gott empfangen... / Himmelslehr' in Erdesprachen / Und sich nicht den Kopf zerbrachen*» [18. Bd. 2. S. 7]. «Север, Запад, Юг в развале / Пали троны, царства пали. / На Восток отправься дальний / Воздух пить патриархальный, / В край вина, любви и песни, / К новой жизни там воскресни. / Там, наставленный пророком, / Возвратись душой к истокам, / В мир, где ясным, мудрым слогом / Смертный вёл беседу с Богом, / Обретал без мук, без боли / Свет небес в земном глаголе». В первой его строке употребляется глагол *zersplittern* – дробить, раскалывать, несущий смысл разделения всего Мира на отдельные части, утрату *Целого* в западноевропейском мировоззрении и отчуждения Человека, покинувшего «дом» Вселенной. Призыв к пути на Восток, напротив, означает стремление к *Всеединству*, к истоку, праначалу Всемирной Культуры, к «первоглаголу» –

Божественному Откровению. Дословный перевод «*im reinen Osten*» – «на чистый Восток», «*im Reinen und im Rechten*» – «к Чистому и Правильному», т.е. в ту страну, где жива связь с Прошлым, с Прапамятью, где хранима Истина (*Wahrheit*). Слово *Ursprungs* имеет значение *начало, происхождение, истоки, корни*. Строка «*In des Ursprungs Tiefe dringen*» / «Возвратись душой к истокам» буквально звучит «Проникни в первоначальную глубину», т.е. вернись в лоно Мировой Души (*Weltseele*), к исходному *Всеединству* (*Einheit von allen*), чтобы омолодиться, обновиться, воскреснуть к новой жизни – *sich verjüngen*.

Изначальная неразрывность, неделимость Востока и Запада, в равной степени причастных *Единому Целому*, *Великому Всеединству*, характерна для каждого стихотворения этого поэтического цикла, как, впрочем, и всего творческого наследия Гёте в целом. В стихотворении «*Talismane*» / «Талисманы» Гёте провозглашает, что Восток и Запад в равной мере принадлежат Богу как Его равновеликие творения. «*Gottes ist der Orient! / Gottes ist der Okzident! / Nord und südliches Gelände / Ruht im Friede von seiner Hände*» [18. Bd. 2. S. 10]. «Богом создан был Восток, / Запад тоже создал Бог. / Север, Юг и все широты / Славят рук Его щедроты».

В стихотворении «*Freisinn*» / «Свободомыслие» очевидна коренная взаимосвязь Вселенной и Человека как её неотъемлемой частицы и потребность каждого из живущих в полноте Мировосприятия для обретения внутренней гармонии. «*Er hat euch die Gestirne gesetzt / Als Leiter zu Land und See, / Damit ihr euch daran ergetzt, / Stets blickend in die Höh*» [18. Bd. 2. S. 9]. «Велел Он звёздам, чтоб зажглись, – / Да светят нам в пути. / Смотри же неотрывно ввысь, / Чтоб радость обрести». *Gestirne* – Созвездия, небесные светила здесь символизируют свет в ночи, указывающий Человеку истинный путь для обретения счастья, умиротворения, радости. Показательно, что Гёте употребляет именно слово *Gestirne* / *Со-звездия*, а не *Sterne* / Звёзды, что усиливает смысл всеединящего начала Вселенной – мировую волю к Всеединству. Культурная универсалия *Einheit von allen* (*Всеединство*) – ядро концептосферы «восточной» поэзии Гёте, единокровное родство всея и всё в Мировотворении – основа «восточного» мироощущения, свойственного и Гёте.

В стихотворении «*Wiederfinden*» / «Воссоединение» воссоединение Мира осуществляется посредством *Любви*, оживляющей раздробленный Мир, сближающей его разные полюса, вселяющей в его Сердце надежду. «*Stumm war alles, still und öde, / Einsamm Gott zum erstenmal! / Da erschuf er Morgenröte, / Die erbarmte sich der Qual; / Sie entwickelte dem Trüben / Ein erklingend Farbenspiel, / Und nun konnte wieder lieben / Was erst auseinander fiel*» [18. Bd. 2. S. 83]. «Стало всё немой пустыней, / Бог впервые одинок. / Тут он создал купол синий, / Расцвел зарёй Восток. / Утро скорбных оживило, / Буйством красок всё зажглось, / И любовь одушевила / Всё стремившееся врозь». Причиной сотворения Мира, согласно Гёте, является *одиночество Бога*, истоки Мировотворения – на Востоке, в краю, где восходит Солнце, и первое, что создаёт Творец, – *Morgenröte*, утренняя заря. *Wiederfinden* – буквально: Воссоединение отдельных частей с Целым.

Любви, без которой невозможна истинная целостность Мира и поэтическое мировосприятие, посвящены многие стихотворения «Западно-восточного дивана»: «*Musterbilder*» / «Образцы», «*Noch ein Paar*» / «Ещё одна пара», «*Unvermeidlich*» / «Неизбежное», «*Geheimes*» / «Сокровенное», «*Geheimstes*» / «Самое сокровенное».

Стихотворение «*Erschaffen und Beleben*» / «Сотворение и одухотворение» посвящено важнейшему творческому акту Бога – сотворению Человека. «*Hans Adam war ein Erdenkloß, / Den Gott zum Menschen machte, / Doch bracht er aus der Mutter Schoß / Noch vieles Unge-schlachte*» [18. Bd. 2. S. 12–13]. «Адама вылепил Господь / Из глины, сделав чудо! / Была земля, а стала плоть – / Бездушная покуда». Слово *Erdenkloß* буквально означает *глыба, ком земли* и несёт глубокий смысл: Человек произошёл из недр Матери-Природы и не является совершенным созданием, ему ещё предстоит *со-творение* и самостоятельный поиск Истины. Словосочетание «*aus der Mutter Schoß*» дословно можно перевести «из материнских недр, лона Природы». Концепт *Natur* (*Природа*) является здесь ведущим и даёт следующие смысловые оттенки: *Мать*, *Храм Творца Вселенной* («*Zu unsres Schöpfers Tempel*»), *Душа Мира* (*Weltseele*).

Сотворение, осуществляемое силами Природы, не однократный акт, но длится, всё живое происходит из недр Земли и уходит затем обратно, но не становится прахом, а сохраняется в *вечном* круговороте творения. Гёте подразумевает движение к началу, праистоку, вечное обновление жизни; каждая частица Мира пребывает в вечном круговороте Природы и принимает жизнь от Мировой Души. «*Ob ich Ird'sches denk und sinne, / Das gereicht zu höherem Gewinne. / Mit dem Staube nicht der Geist zerstoßen, / Dringet, in sich selbst gedrängt, nach oben*» [18. Bd. 2. S. 10]. «Пусть я предан весь земному, / Это путь к великому, святому. / Дух – не пыль, он в прах не распадётся / Став собой самим, он к небу рвётся». Концептуальная универсалия *Weltseele* (*Мировая Душа*) образует в данном фрагменте цикла смысловое поле, включающее следующие компоненты:

1. *Ewiger Geist* (Вечный Дух). Духу не суждено превратиться в пыль и прах, ибо он постоянно пребывает в движении и *вечен* во Вселенной. Таким образом, подтверждается главная мысль Гёте – о Вечности (*Ewigkeit*) мирового жизнетворческого процесса, в котором рождение и смерть, сменяя друг друга, создают постоянное обновление Мира. Концепт *Ewigkeit* (*Вечность*) также заложен в стихотворение «*Im Gegenwärtigen Vergangenes*» / «В настоящем – прошлое», где утверждается неразрывная связь времён, Вечность как постоянство Бытия.

2. *Kraft* (Сила). Это воля, стремление наверх – к Небу. Природа, душа Мира здесь – всеобъемлющее волевое начало, способствующее осуществлению пути Человека к великому, святому, дословно: к высоким победам.

В 1797 г. Гёте делает набросок историософской работы «*Israel in der Wüste*» / «Израиль в пустыне», в которой подвергает глубокому осмыслению Моисеево «Пятикнижие». Позже эта работа будет включена им в состав прозы «Западно-восточного дивана». Внимание привлекает следующий её фрагмент: «*In dem traurigsten*

Zustande, in welchem ein trefflicher Mann sich nur befinden mag, der, nicht zum Denken und Überlegen geboren, bloß nach Tat strebt, sehen wir ihn einsam in der Wüste, stets im Geiste beschäftigt mit den Schicksalen seines Volks, immer zu dem Gott seiner Ahnherren gewendet, ängstlich die Verbannung fühlend...» [18. Bd. 2. S. 211]. «В наиболее трагичном состоянии, в котором прекрасный человек только и любит находиться, рождённый не для раздумий, он стремится лишь к делу, мы видим его одиноким в пустыне, постоянно занятым в душе судьбами своего народа, всегда устремленным к Богу своих предков, боязливо чувствующим изгнание...». Метафора «одинокость в пустыне» раскрывает суть «восточного» мировосприятия – это созерцательное *одинокость Человека*, готовящее восхождение его души к Всеединству Вселенной, к Божественному первоисточку. Слияние двух «одиноких» волей – божественной и человеческой – во взаимной любви подтверждает неразрывную взаимосвязь всего во Вселенной.

«Западно-восточный диван» в целом – это выражение философии жизнетворчества Гёте, в истоке миропонимания которого лежит «единосущность»: сверхвременное единство прошлого-настоящего-будущего, кровное родство Запада и Востока, Человека и Бога во Вселенной. Каждое стихотворение цикла проникнуто любовью и «теплом» родственной связи с Природой, является своеобразным призывом к постижению истинной Красоты Миров-творения.

Смысловым центром, ядром «восточного» текста Гёте является поэтический цикл «*Gott und Welt*» / «*Бог и Мир*», хронологически относящийся к позднему периоду творчества и вбирающий все сердечные переживания и духовные искания поэта на пути восприятия и постижения мудрости Откровения Востока. Его открывает стихотворение «*Prooemion*» (от греч. «Вступление»), где речь идёт о сотворении Мира, в истоке которого – *Liebe* (Любовь), *Vertrauen* (Доверие), *Tätigkeit* (Деятельность) и *Kraft* (Сила). «Im Namen dessen, der Sich selbst erschuff! / Von Ewigkeit in schaffendem Beruf; / In Seinem Namen, der den Glauben schafft, / Vertrauen, Liebe, Tätigkeit und Kraft; / In Jenes Namen der, so oft genannt, / Dem Wesen nach blieb immer unbekannt: / So weit das Ohr, so weit das Auge reicht, / Du findest nur Bekanntes, das Ihm gleicht, / Und deines Geistes höchster Feuerflug / Hat schon am Gleichnis, hat am Bild genug; / Es zieht dich an, es reißt dich heiter fort, / Und wo du wandelst, schmückt sich Weg und Ort; / Du zählst nicht mehr, berechnest keine Zeit, / Und jeder Schritt ist Unermeßlichkeit» [18. Bd. 1. S. 357]. «Того во имя, кто зачал себя, / В предвечности свой жребий возлюбя; / Его во имя, кто в сердца вселил / Любовь, доверье, преизбыток сил; / Во имя часто зованного здесь, / Но – в существе – неясного и днесь: / Докуда слух, докуда глаз достиг, / Лишь сходное отображает лик, / И пусть твой дух как пламя вознесён, / Подобьями довольствуется он; / Они влекут, они его дивят, / Куда ни ступишь – расцветает сад, / Забыты числа и утрачен срок, / И каждый шаг как вечности поток».

Миро-творение бесконечно длится под воздействием Духа Любви, понимание этого объединяет культуры всех народов. Ссылаясь на Гёте, М. Шелер говорил об а priori предустановленном в Мире порядке Любви, по-

рядке Сердца: «“В мире тихом осмотришь, лишь любовь уносит ввысь” (Гёте)... Любовь всегда пробуждает к познанию и волею, более того, *любовь – мать самого духа и разума... это Единое есть вселюбящий, а потому также и всепознающий и всеволяющий Бог* – личностный центр мира как Космоса и целого. Цели и сущностные идеи всех вещей вечно предлюбимы, предмыслены в Нём... Есть *ordre du coeur, mathématique du coeur, logique du coeur*, которая столь же строга, столь же объективна, абсолютна и непреложна, как правила и выводы дедуктивной логики. У сердца в его собственной сфере имеется строгий аналог логики, отнюдь не заимствованной им из логики рассудка. В него... вписаны законы, соответствующие плану, по которому мир выстроен как *ценностный мир*» [19. С. 351–353, 358–359]. *Ewigkeit* (Вечность) в языке Гёте передана глаголами *zählen / считать* и *berechnen / исчислять* с отрицаниями *nicht* и *keine*, несущими смысл бесконечного течения времени, граничащего с его полным отсутствием / *keine Zeit*, его неизмеримости. Культурная универсалия *Liebe* (Любовь), сохранившаяся в памяти Культуры Человечества, находит в поэзии Гёте языковое выражение посредством разных смысловых оттенков: гармония, цветущий сад, вечности поток – всё это *Liebe*, Любовь.

Дух Любви у Гёте сравнивается с жизнетворческим, вечно действующим динамичным началом, Огнём, полётом пламени в «гераклитовском» и ещё более древнем, древневосточном смысле («Единственная вещь, которая никогда не изменится, – постоянная изменчивость всего» – «Книга Перемен»). Миро-творение немыслимо без обновления, изменчивости и бесконечного оживления, вечной динамики Жизни и непрерывно творящей силы Любви. «Wenn im Unendlichen dasselbe / Sich wiederholend ewig fließt, / Das tausendfältige Gewölbe / Sich kräftig ineinander schließt, / Strömt Lebenslust aus allen Dingen, / Dem kleinsten wie dem größten Stern, / Und alles Drängen, alles Ringen / Ist ewige Ruh in Gott dem Herrn» [18. Bd. 1. S. 367]. «Когда в Бескрайнем, повторяясь, / Течёт поток извечных вод / И тысячи опор, смыкаясь, / Дают единый мощный свод, / Тогда, струясь из каждой вещи, / Жизнь полнит светлый кубок свой, / И всё, что рвётся, всё, что хлещет, / Есть вечный в Господе покой». Это стихотворение О. Шпенглер избрал в качестве эпиграфа к своей великой книге «Закат Европы». Именно метод Гёте как подлинно исторический, основанный на *поэтическом переживании*, художественной интуиции, лирическом чувстве *благоговения* перед божественной тайной Миров-творения, мыслитель избрал для выполнения поставленной им перед собой глобальной задачи постижения Gestalt'a Всемирной Культуры Человечества и создания концепции «морфологии всемирной истории, мира-как-истории, которая... охватывает все лики и движения Мира в их глубочайшем и последнем значении... не в общей картине всего познанного, а в картине жизни, не в ставшем, а в становлении» [20. С. 123, 131].

Две универсалии, закреплённые в общекультурной памяти, – *Weltseele* (Мировая Душа) и *Einheit von allen* (Всеединство) – образуют ядро концептосферы цикла «*Gott und Welt*» / «*Бог и Мир*» и поэтического мира Гёте в целом, являя суть его «восточной» онтологии.

Наибольшего выражения это достигает в стихотворении «Weltseele» / «Мировая Душа». «Verteilet euch nach allen Regionen / Von diesem heil'gen Schmaus! / Begeistert reißt euch durch die nächsten Zonen / Ins All und füllt es aus! / Ihr greift rasch nach ungeformten Erden / Und wirkt schöpfrisch jung, / Daß sie belebt und stets belebter werden / Im abgemeßnen Schwung. / Nun alles sich mit göttlichem Erkühnen / Zu übertreffen strebt; / Das Wasser will, das unfruchtbare, grünen, / Und jedes Stäubchen lebt. / Und bald verlischt ein unbegrenztes Streben / Im sel'gen Wechselblick. / Und so empfängt mit Dank das schönste Leben / Vom All ins All zurück» [18. Bd. 1. S. 248–249]. «Рассейтесь вы везде под небосводом, / Святой покинув пир, / Несите жизнь, прорвавшись к дальним зонам, / И наполняйте мир! / К бесформенным образованиям льнёте, / Играя и творя, / Всё сущее в размеренном полёте / Навек животворя. / И рвётся всё в божественной отваге / Себя перераста; / В пылинке – жизнь, и зыбь бесплодной влаги / Готова зацвести. / И гасит пламя безграничной жажды / Любви взаимной взгляд. / Пусть жизнь от Целого приемлет каждый / И вновь – к нему назад». В данном стихотворении цикла заключена сокровенная мысль Гёте о *Всеединстве Мира в многообразии всех его уникальных единичных проявлений*, одновременно всегда возможной опасности его разделения или рассеивания на части, отдельные регионы, различные страны и континенты и постоянном стремлении к воссоединению Целого, неизбежном восстановлении исходной мировой гармонии, ведь Душа Мира бессмертна и исполнена любви. Для строки «Begeistert reißt euch durch die nächsten Zonen...» возможен перевод «В воодушевлении прорывайтесь во Вселенную...» – это призыв Гёте к человеческим душам. Совершаясь, «возрастая» духовно, душа каждого присоединяется к Мировой Душе, изначально являясь её неотъемлемой частью. Концептуальная универсалия Мировой Культуры *Weltseele* имеет значения наличия всеобщей, Единой Души Мира, истинного Всеединства всего живого в Мире, ведь Мир создан и одухотворён Творцом как Целое. Мир устроен так, что каждая пылинка (jedes Stäubchen) в нём оживает, принимая жизнь от Целого, чтобы затем дать жизнь растениям.

Два последующих стихотворения цикла «Eins und Alles» / «Одно и всё» и «Vermächtnis» / «Завет» связаны между собой именно этим общим мотивом стремления единичного и малого слиться с Единым Великим Целым. «Kein Wesen kann zu Nichts zerfallen! / Das Ew'ge regt sich fort in allen, / Am Sein erhalte dich beglückt! / Das Sein ist ewig; denn Gesetze / Bewahren die lebend'gen Schätze, / Aus welchen sich das All geschmückt. / Das alte Wahre, faß es an! / Verdank es, Erdensohn, dem Weisen, / Der ihr die Sonne zu umkreisen / Und dem Geschwister wies die Bahn. / Genieße mäßig Füll'und Segen, / Vernunft sei überall zugegen, / Wo Leben sich des Lebens freut. / Dann ist Vergangenheit beständig, / Das Künftige voraus Lebendig, / Der Augenblick ist Ewigkeit» [18. Bd. 1. S. 369–370]. «Кто жил, в ничто не обратится! / Повсюду вечность шевелится. / Причастный бытию блажен! / Оно извечно; и законы / Хранят, тверды и благосклонны, / Залоги дивных перемен. / Старинной правды не забудь! / Воздай хваленья, земнородный, / Тому, кто звёздам кругоходный / Торжественно наметил путь. / Но трезво при-

ступайте к чуду! / Да указывает разум всюду, / Где жизнь благотворит живых. / В ничто прошедшее не канет, / Грядущее досрочно манит, / И вечностью заполнен миг». Чем больше жизнь человека соответствует изначальному творческому замыслу Мирового Духа, тем в большей степени он бессмертен, непрерывно участвуя в осуществлении Миров-творения. Вечность суть Бытия – «Das Sein ist ewig», Бытие вечно, и Вечность Вселенной не позволяет ничему живому исчезнуть и обратиться в ничто. *Die Freudigkeit (Радость бытия)* вырастает именно из ощущения этой причастности бесконечному течению Жизни и вечному миротворческому процессу. Г. Зиммель неоднократно указывает на уникальную способность Гёте *быть счастливым*, называя это «*метафизическим счастьем существования Гёте*» [8. С. 244], пишет, что Гёте был счастливо создан, естествен во всех своих жизненных проявлениях, явился в Мир как живое воплощение счастья, поскольку его жизнь изначально гармонично вписывалась в Целостность Бытия. Законы Бытия «хранят... залогом дивных перемен» – «Das Sein ist ewig; denn Gesetze Bewahren die lebend'gen Schätze». Глагол *bewahren* имеет корень *-wahr-*, несущий смысл *истинный, правдивый, правый*. Тот же корень также имеют слова *die Wahrheit* – Истина, Правда, *der Wahrsager* – прорицатель, пророк. Законы Бытия хранят сокровенную старинную Истину – *Wahre*, и Гёте призывает: «Das alte Wahre faß'es an!» / «Старинной правды не забудь!». Поэт исходит из мудрости Востока: необходимо возвращение к истоку – туда, где не утрачена естественная связь со Вселенной, где жива традиция. Неизменность извечных законов Вселенной является залогом того, что и Человечество предназначенным ему историческим путём рождения – умирания – нового рождения культуры будет постепенно приближаться к полному постижению мировой гармонии и созданию Всемирной Единой Культуры. «По временам, когда человеком овладевает ужас отчуждения между Я и миром... Из вихря звёзд выныривает крошечная Земля, из копошения на Земле выныривает маленький человек, и вот история пронесит его дальше, через времена, чтобы он снова и снова упорно восстанавливал муравейники культур, которые рассыпаются под её стопами. Под этим рядом изображений – надпись: «Eins und Alles» / «Одно и всё», – вспоминая завет Гёте, писал М. Бубер, глубоко размышлявший о судьбе Культуры в кризисную эпоху её истории [21. С. 56].

Стихотворение «Urworte. Orphisch» / «Первоглаголы. Учение орфики» является отражением глубоких антропологических исканий Гёте, посвящено сотворению Человека и его судьбе во всеобщем замысле Миров-творения. Оно состоит из нескольких частей, связанных между собой общей идеей; каждая из них поименована особым «первоглаголом» в соответствии с близким Гёте теософским течением орфики, пророком которого является мифический поэт-певец Орфей. Религиозное движение орфики охватывает тысячелетний период античной истории; корни его – в глубине мудрости Древнего Востока, а влияние ощутимо и в первые века нашей эры, в эпоху развития религиозного синкретизма в Александрии [22. С. 90–96, 495–496]. Откровение орфических мистерий – о едином и всеобъемлющем божественном первоначале, включающем

в себя разных богов под разными именами, но чаще всего нарекающемся по имени главного бога орфиков – Диониса, бога Жизни и творческого порыва, о творении и судьбе Мира. В первом же фрагменте говорится о влиянии небесных светил и всего космического порядка на появление и дальнейшее развитие Человека. «Δαίμων»: «Wie an dem Tag, der dich der Welt verliehen, / Die Sonne stand zum Gruße der Planeten, / Bist also bald und fort und fort gediehen, / Nach dem Gesetz wonach du angetreten. / So mußst du sein, dir kannst du nicht entfliehen, / So sagten schon Sibyllen, so Propheten; / Und keine Zeit und keine Macht zerstückelt / Geprägte Form die lebend sich entwickelt». «Демон»: «Со дня, как звёзд могучих сочетанье / Закон дало младенцу в колыбели, / За мигом миг твоё существованье / Течёт по руслу к прирождённой цели. / Себя избегнуть – тщетное старанье; / Об этом нам ещё сивиллы пели. / Всему наперекор вовек сохранен / Живой чекан, природой отчеканен». Концептуальная универсалия *Weltseele* (*Мировая Душа*) образует следующее смысловое поле: 1. Gesetz – Единый закон Бытия. 2. Die Sonne. «Die Sonne stand zum Gruße der Planeten... Nach dem Gesetz wonach du angetreten» – дословно: «Согласно закону, по которому ты вступил в Мир или данному Вселенной... Солнце встало для приветствия планет». Гёте употребляет глагол *verliehen* – давать взаймы, т.е. дословно: «В тот день, когда Вселенная одолжила тебе силы...».

Следующий фрагмент носит название «Τύχη»: «Die strenge Grenze doch umgeht gefällig / Ein Wandelndes, das mit und um uns wandelt; / Nicht einsam bleibst du, bildest dich gesellig, / Und handelst wohl so wie ein andrer handelt: / Schon hat sich still der Jahre Kreis geründet, / Die Lampe harret der Flamme die entzündet». «Случай»: «Всё разомкнёт, со всякой гранью сладит / Стихия перемен, без долгих споров / Упрямую своеобычность сгладит, – / И ты к другим приноровляешь норы. / Но между тем, глядишь, пора приспела: / Готов светильник – за огнём лишь дело». В жизни, прожитой Гёте, многое происходило по воле *случая*, вне всякого разумного объяснения – просто неожиданно случилось; случайно возникали и все его великие творения, как бы из самой жизни и рождаясь. Однако сам Гёте постоянно подчёркивает жизненную *необходимость* и ценность *случая*, а также его интегрирующую роль в Мировой Связи Жизни, которая пребывает как Целое в каждом отдельном миге, в каждом проявлении. Для него значение имело любое мимолётное жизненное впечатление, каждое прожитое мгновение содержало собственный смысловой объём, самодостаточностью, самоценностью и совершенностью обладал каждый жизненный момент, выражая тотальность Бытия, что в наибольшей степени подтверждает фундаментальную ценность Жизни как таковой. Случайности – язык Бога, считал Гёте, достаточно вспомнить его знаменитое выражение, венчающее «Фауста»: «*Всё быстротечное – символ, сравненье. Цель бесконечная здесь в достиженье. Здесь – заповеданность Истины всей. Вечная Женственность тянет нас к ней*». В нём заключена важнейшая мысль о тайной соотнесённости и взаимосвязи всех мировых событий, о Живом Всеединстве Вселенной, существенное свойство которого – не явленность поверхностному представлению в форме яс-

ности, точности, определённости, но *таинственная неведомая глубина*.

На эту мысль Гёте Г.-Г. Гадамер обратил особое внимание и дал ей следующий комментарий в общем контексте своей герменевтической концепции и истории становления герменевтики как учения о миропонимании в целом: «Универсальность герменевтической точки зрения всеобъемлюща... В конце концов, универсальное наблюдение Гёте: *всё есть символ*... заключает в себе наиболее всеобъемлющую формулировку герменевтической мысли. Гётевское “всё” говорит о любом и каждом сущем не *что оно есть*, а *как оно предстаёт человеческому пониманию*... В гётевском понятии символического заключены в равной мере и необозримость всех связей, и заместительная функция единичного как представителя целого. Ибо только потому, что всеотнесённость бытия скрыта от человеческого глаза, она нуждается в раскрытии.

Как ни универсальна герменевтическая мысль, заключённая в высказывании Гёте, в одном важном смысле она находит себе оправдание лишь в опыте искусства. В самом деле, язык художественного произведения имеет ту отличительную черту, что отдельное произведение сосредотачивает в себе и выражает символические черты, присущие, как учит герменевтика, всему сущему» [11. С. 264–265]. Гёте приобщён «орфической» *мистерии, таинству Бытия*, Жизнь Мира для него исполнена тайны, его «восточная» душа бережно хранит то, что утрачено западноевропейской философией и предано забвению – память о подлинном Божьем Промысле, благодаря поэтическому дару он изначально, от природы способен к *пониманию* знаков Бытия, символов и глубокоому герменевтическому «прочтению» Мира как сакрального Текста, творимого Богом, Божественным Художником. Любое глубоко пережитое событие (со-Бытие) имело у Гёте *символический* смысл, жизнь интуитивно схватывалась им по принципу смысловой «вертикали»: случайности интересовали его не как отражение скоротечности и неопределённости жизни, сколько, наоборот, в них проявлялся её символический порядок, откровение Божественной Мудрости.

Именно в сопряжении множества случайностей осуществлялась целостность жизни Гёте, её *Gestalt*, и суть всей его жизни проявлялась в каждом её единичном случае; а *в случае Гёте* в антропологическом смысле символически выразилась *подлинность Dasein*, призванного к *миропониманию*, *необходимость* человеческого бытия-в-Мире, ценность и значимость индивидуальной человеческой жизни во Всеобщем Жизненном Мире Человечества. *Жизнь*, содержащая бесконечный творческий потенциал, способная к выходу за свои пределы, в творческом порыве преодолевающая стихийно-хаотическое состояние и обретающая *смысл*, жизнь «больше, чем жизнь», не в биологическом, но в духовном понимании, как творящий дух (*Geist*), возможна только в случае Человека, в качестве *подлинно человеческой* жизни, «поэтического жительства», понимающего бытия. «Мне хотелось бы в духе Гёте, – пишет Г. Зиммель, – назвать понимание “*прафеноменом*”, ибо тем, что оно имеет место лишь на основании бытийного равенства, всеобщая связанность вещей

находит в нём самое точное выражение, а функциональное отношение достигает самой чистой наглядности – ведь оно доходит здесь до равенства, но равенство это не мёртвое математическое покрытие, а духовное, взаимное обогащение, приятие в жизненный процесс. Конечно, единство бытия не всюду порождает такое взаимопрятие и понимание, но там, где таковое существует, оно указывает на это единство как на свою метафизическую основу и является, быть может, самым ярким его феноменом» [8. С. 232].

Концепт *Liebe* (Любовь) – в центре следующего фрагмента стихотворения «Urworte. Orphisch» / «Первоглаголы. Учение орфиков». «Σσως»: «Die bleibt nicht aus! – Er stürzt vom Himmel nieder; / Wohin er sich aus alter Öde schwang, / Er schwebt heran auf luftigem Gefieder / Um Stirn und Brust den Frühlingstag entlang, / Scheint jetzt zu fliehn, vom Fliehen kehrt er wieder, / Da wird ein Wohl im Weh, so süß und bang». «Любовь»: «Вот он, огонь! Из древних бездн возреая, / Пернатой бурей спешит ниспасть / Легчайший гость слепящих Эмпиреев, / Весною веет и лелеет страсть, / Покой души во всех ветрах развеяв!». Любовь – Божество для человека. Любовь – Огонь, вызывающий беспокойство и душевный трепет, пламя, буря, страсть, активное, всеохватывающее, всё вовлекающее в своё действие житнетворческое начало. Её неизбежность определяется вечным законом Космоса. *Ewigkeit* (Вечность) – ключевой концепт следующего «глагола», задающий смысловую динамику: *Gesetz* (Закон), умиряющий любовью произвол; *Nötigung* – неизбежность действия этого закона вне нашей воли и выбора. «Αναγχη»: «Da ist's denn wieder wie die Sterne wollten: / Bedingung und Gesetz und aller Wille / Ist nur ein Wollen, weil wir eben sollten, / Und vor dem Willen schweigt die Willkür stille; / Das Liebste wird vom Herzen weggescholten, / Dem harten Muß bequemt sich Will' und Grille». «Неизбежность»: «Меж тем созвездий вечное веленье / Неотменяемо; не в нашей воле / Самим определять своё воленье; / Суровый долг дарован смертной доле. / Утихнет сердца вольное волненье, / И произвол смирится поневоле».

Однако духовная сила, от природы заложенная в человеке, – его бог, его «демон», – призвана помочь ему вознестись в творческом порыве над всеми ограничениями обыденности. В этом и кроется надежда на обретение человеческой душой крыльев, достижение ею гармонии и свободы, исполнение только ей предписанного предназначения и уникального долга в общем процессе Мировозрождения. «Ελπις»: «Sie stehe nur mit alter Felsendauer! / Ein Wesen regt sich leicht und ungezügelt: / Aus Wolkendecke, Nebel, Regenschauer / Erhebt sie uns, mit ihr, durch sie beflügelt, / Ihr kennt sie wohl, sie schwärmt durch alle Zonen; / Ein Flügelschlag – und hinter uns Äonen!» [18. Bd. 1. S. 359–360]. «Надежда»: «Чу, дрогнули засовы – благодетель / Поветра – взлетает без усилия / Над пеленою мгlistою Богиня / И нас возносит, нам дарует крылья, / Мы с ней наш путь сквозь все свершаем зоны; / Удар крыла – и позади зоны!». Ключевой в приведённом выше «глаголе» становится концептуальная универсалия *Ewige Weiblichkeit* (Вечная Женственность), содержащая смыслы: Вечность, Благодать, Богиня, дарующая крылья, Надежда. Вселенной, таким образом,

управляет бессмертное, вечно рождающее, раскрывающееся в полноте и круговороте жизни одухотворяющее женское начало, превышающее пространства, времена, эпохи, зоны и дающее надежду на бессмертие душ, народов, культур, Человечества.

На уровне поэтического цикла «Gott und Welt» / «Бог и Мир» в целом образуется следующее семантическое поле концептуальной универсалии *Ewige Weiblichkeit* (Вечная Женственность): *Ewigkeit* (Вечность) – *Natur* (Природа) – *Göttin* (Богиня) – *Mutter* (Мать) – *Liebe* (Любовь) – *Wahrheit* (Истина) – *Schönheit* (Красота). Вечная Женственность, *Ewige Weiblichkeit* для Гёте суть Истина, *Wahrheit*, постижение которой возможно лишь посредством сердечного переживания, сердца, восприимчивого к Откровению Красоты Природы.

С.Л. Франк, считавший вклад Гёте в философию познания очень серьёзным и значительным, отмечал: «Истина выражается для него (Гёте) не в мыслях и суждениях, а в общей гармонии жизни... Познание есть всегда чтение в душе природы – чуткое, любовное, проникновенное угадывание её внутренних сил и побуждений... Ядро природы лежит в сердце человека... Творя, человек лишь отдаёт свой дух силе парящего в нём гения природы... Истинное познание не отрешает человека от связи с целым, а, наоборот, активно возрождает в сознании эту связь; она есть всегда откровение... Правда, мыслимая как жизненная гармония, для Гёте есть понятие абсолютное, религиозно-трансцендентное; оно означает согласие личного духа с мировым целым, слияние в лучах высшего света души человека с Душою Мира» [23. С. 128].

Жизненно-философская мудрость Гёте открывает иные возможности обретения Истины. Истина Гёте – Истина Жизни, постигаемой в её Целомудрии; глубокая смысловая связь всех мировых событий, всеохватность Всеединства Вселенной в каждом его единичном проявлении, в каждом уникальном человеческом случае. Гёте присуще глубокое доверие к Жизни, ведь за её кажущейся хаотичностью, непредсказуемостью, спонтанностью просвечивает сокровенная Премудрость Божия, сквозит неисповедимый Мировой Порядок, предустановленный Богом, и это само собой разумеющийся Порядок Любви (*ordo amoris*), а priori связующий всё и вся в неведомом Божественном Промысле – Всеединстве-в-Боге. Человеческая жизнь – дар Бога, потому она исполнена сокровенного смысла, и стоит довериться естественному течению Жизни, интуиции глубокой внутренней взаимосвязи событий жизненного пути, жить согласно неявной логике самой Жизни, совершенно неподвластной рациональному объяснению и упорядочиванию. Жизнь каждого человека единственна в своём роде, уникальна, вечна, неповторима, по индивидуальному замыслу непрерывно творима Творцом. Видение божественной идеи в образе жизни было интуитивно дано Гёте, потому Жизнь и открылась ему в её подлинной гармонии Истины, Добра, Красоты, Любви. Потому традиционное классическое понимание Абсолютной Истины – единой, неизменной и всеобщей, предзаданной и предопределённой кантовским Трансцендентальным субъектом, неприемлемо для Гёте. Абсолютность Истины здесь понимается ина-

че – именно как Абсолютность полноты Жизни, всеохватной, естественно включающей истинное и ложное, правильное и ошибочное, необходимое и случайное в их тесном переплетении, предполагающей этическую относительность добра и зла, любви и ненависти в их взаимных колебаниях. Истина глубоко жизненна и интуитивно переживаема.

Истина, таким образом, не достигается усилием Чистого Разума, но исходит из человеческого бытия-в-Мире, имеет не логическое, но *органическое* происхождение. В противоположность Трансцендентальному субъекту Канта – эстетическое чувство всеобщей Истины Гёте возникает из мимолётных жизненных переживаний, рождается из каждого жизненного события (со-Бытия). Истина – по-человечески субъективна, согласно Гёте, возникает в процессе жизни каждой *индивидуальной* души и проникнута человеческой теплотой. Истина не может быть только вечной и всеобщей, Истина – динамична, исторична, относительна, временна. Постигание Истины возможно только в многообразии всех индивидуальных оттенков её бытия; Истина есть чистое творчество; сотворение индивидуальной человеческой жизни. Истина переживается Гёте как истина единственного, уникального, живого человека в полноте его бытия, и именно из этой полноты исходит Истина для Человека как такового.

К культурному наследию Китая Гёте обращается намного позднее времени творения двух ранее рассматриваемых циклов и в традициях древнекитайской поэзии создаёт глубоко личный поэтический цикл «*Chinesisch-deutsche Jahres und Tageszeiten*» / «*Kumai-ско-немецкие времена года и дня*» [18. Bd. 1. S. 387–391], который состоит из четырнадцати связанных между собою стихотворений. На Древнем Востоке, согласно Гёте, истоки Мировой Души (Weltseele), и стремление его души на Восток обусловлено потребностью обрести истинные корни Культуры Человечества, потребностью «возвращения» в материнское лоно Вечно Женственной Природы. Культурная универсалия *Natur (Природа)* становится ключевой в этом цикле, образуя следующую концептосферу: 1. *Frühling (Весна)* – Весна Природы, весенние дни, время цветения, полнота Жизни, оживление и обновление Мира, всеобщая радость и ликование, вечно возрождающаяся и творящая Душа Мира. «Der Kuckuk wie die Nachtigall / Sie möchten den Frühling fesseln... / So frühzeitige Narzissen / Blühen reihenweis' im Garten». «Кукушка как и соловей / Возвещают о приходе весны... / Это ранние нарциссы / Стройно стебли распрямляют». 2. *Leben (Жизнь)* – сама сущность Природы, созидаящая сила, подобная свету, исходящему из глубины Души Мира, из сокровенного центра, из самого сердца Вселенной. «Sternen gleich, bescheidner Beugung, / Leuchtet aus dem Mittelherzen / Roth gesäumt die Gluth der Neigung». «Словно белых лилий свечи, / Словно свет звезды прекрасной, / Жжёт из глубины сердечной». 3. *Freude (Радость)* – праздник Солнца (Sonnenfeier), восторг (Begeisterung), сияние, юность души, весеннее настроение, счастье (Glück). «Hoffnung breitet leichte Schleier / Nebelhaft vor unsern Blick: / Wunscherfüllung, Sonnenfeier, / Wolkentheilung bring'uns Glück!». «Надежда готовит лёгкое покрывало, / Туманя наш взор, / Исполнение

желаний, праздник Солнца, / Исцеление облаками приносит нам счастье!». 4. *Liebe (Любовь)*. Природу Гёте называет своей Возлюбленной, Liebchen. «Auch mir hat er das leichte Laub / An jenem Baum verdichtet, / Durch das ich sonst zu schönstem Raub / Den Liebesblick gerichtet...». «Она направляет мой взор, / Полный любви к каждому дереву, / Каждой набухшей почке, / К прекраснейшему плодородию...». 5. *Schönheit (Красота)*. Красота и Любовь (*Liebe, Liebchen*) выступают в данном поэтическом цикле как великие силы плодородия, выражение Вечной Женственности (*Ewige Weiblichkeit*). Die Rose (Поза) – Её олицетворение. «Als Allerschönste bist du anerkannt, / Bist Königin des Blumenreichs genannt». «Ты признана прекраснейшей на свете, / Королевой цветочного царства». «Die Rosenzeit» / Время роз, «Ewige Blüthe der Rosen» / Вечное цветение роз и лилий символически выражает животворящую самовозрождающуюся Природу, Вечность Весны. Ewigkeit (Вечность) здесь символически означена как «Rad» – Колесо, «Kreis» – Круг и «Kranz» – Венок, что говорит о жизненном процессе с его бесконечной цикличностью, сменой дней и времён года, человеческих поколений, вечно обновлении Мира. «Das graugestrückte Netz. / Getrost! Das Unvergängliche, / Es ist das ewige Gesetz, / Wonach die Ros' und Lilie blüht». «Сплетённая сеть. / Спокойно! Вечное, / Это вечный закон, / По которому розы и лилии цветут».

Следующие три стихотворения-«созерцания» рассматриваемого цикла «*Dämmerung senkte sich von oben*» / «*Сумрак опустился долу*», «*Dem aufgehenden Vollmonde*» / «*Восходящей луне*», «*Dornburg. September. 1828*» / «*Дорнбург. Сентябрь. 1828*» объединены общим мотивом полнейшей взаимности Человека с Природой, их единственности. Тема двух первых – восход Луны, «Дорнбурга» – восход Солнца; все они выражают гармонию между созерцателем и Природой. Основные образы стихотворений переняты Гёте из китайской поэзии: «ветви-волосы стройных ив», «игры подвижных теней», «озёрная гладь, отражающая лунный свет». Сами стихотворения этого цикла схожи с древнекитайской живописью тех далёких времён, когда китайские художники, наделённые *шеньхуа*, даром внимать Миру и выражать невыразимое, стремились приблизиться к духовному образу жизни мудрецов, святых и пророков, чтобы достигнуть состояния, которое в восточной эстетике обозначают двумя иероглифами: *люци*. *Лю* выражает Тишину, *ци* – интимное единство двух существ, образующих целое, гармонию *инь / ян*. «Это выражение часто употребляют как синоним экстаза – состояния, при котором озарённый художник ощущает себя в созвучии и единстве со всем Миром, с каждой его частью, с главным принципом жизни – *шэнь*» [24. С. 101].

Художник в таком *состоянии абсолютного созвучия* словно пребывает в сердце Вселенной. Стихотворения-«созерцания» Гёте напоминают пейзажи мастеров периода высшего расцвета китайской живописи, эпохи Сун, *Го Су* («Ранняя весна», «Каменистая равнина и далёкий горизонт»), *Ми Фу* («Весенние горы и сосны»), *Ван Вэй*, *Вэнь Тун* и др. «Früh, wenn Tal, Gebirg und Garten / Nebelschleiern sich enthüllen, / Und dem sehnlichsten Erwarten / Blumenkelche bunt sich füllen...». «Рано утром, когда до-

лина, горы и сады ещё укрываются туманным покрывалом, чашечки цветов наполняются страстным ожиданием...». «Dämmerung senkte sich von oben, / Schon ist alle Nähe fern; / Doch zuerst emporgehoben / Holden Lichts der Abendstern! / Ahn ich Morgenglanz und glut, / Schlanker Weiden Haargezweige / Scherzen auf der nächsten Flut». «Сумрак опустился долу, / В мгле далёкой тает близь; / Но сперва, сияя вволю, / Геспер, в небо подымись! / Чаю лунный блеск и пыл, / Над рекой в густом подолье / Шёпот тонких ив застыл».

Стихотворение «Восходящей Луне» представляет собой живой диалог между Человеком и Луной, которая являет прекрасный лик всей Природы, всей Вселенной. Луна здесь символизирует одновременно природное начало и одиночество. За чернотой ночи скрывается свет пробуждения Природы. Восход – призыв к возрождению. «Num am östlichen Bereiche Ahn'ich Mondenglanz und Gluth...» / «Вот с восточного предела ожидается луна...». Луна приходит с Востока, где она воспета как символ одиночества души, *Einsamkeit*, но корень этого слова «-ein-sam-» восходит также к другому значению – «един», близкому к смыслу концептуальной универсалии *Einheit von allen* / *Всеединство*. Таким образом, символически подтверждается необходимость встречи Востока с Западом, готовящееся возрождение Мировой Культуры в её Всеединстве. Солнце / Sonne, источник света и тепла, восходя, также устанавливает мировой порядок, привнося в Мир гармонию, дарует Радость / *Freude*, и человек, исполненный радости и причастный Миру, сердцем открыт для

жизни во всей её полноте. «Und ein Ostwind, sie verjagend, Blaue Sonnenbahn bereitet...» / «И с Востока ветр могучий Солнцу синий путь готовит...». Восток – Восход, свежий ветер, указывающий Миру путь спасения, и для Гёте приобщение Душе Востока равно приобщению Weltseele, Мировой Душе.

Таким образом, Гёте от природы присуще «восточное» миропонимание и свойственно искусство поэзии в «восточном» смысле. Его язык как язык всякого истинного поэта несёт в себе и выражает изначальную сущность Поэзии; в нём сохранены и увековечены общекультурные мировоззренческие универсалии, понимание смысла которых Человечеству ещё долго суждено обретать на предназначенном ему историческом пути. *Ностальгия* его поэтической души и порождённое ею стремление к возвращению на свою духовную родину – на Восток, к Мировой Душе, Единому Сердцу Вселенной – и его восточное творческое наследие – свидетельство более глобального и исторически длительного культурного процесса: сближения великих культурных миров Востока и Запада. Факт появления в истории Человечества гения такого духовного уровня сам по себе свидетельствует не только о многотысячелетнем диалоге восточных и западных культур, но об *исконном* единстве Востока и Запада, извечно образующих *Единое Целое – Всеединство Культуры*. «Wohin mein Auge spähend brach, Dort ewig bleibt mein Osten» / «Куда бы я свой взгляд ни бросил, Там навеки останется мой Восток» [18. Bd. 1. S. 388], – говорил Гёте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Глубокие корни общности // Лики культуры. Альманах / отв. ред. И.Л. Галинская, П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М. : Юрист, 1995. Т. 1. С. 431–444.
2. Григорьева Т.П. Дао и Логос: встреча культур. М. : Наука, 1992.
3. Гессе Г. Паломничество в страну Востока // Гессе Г. Избранное / пер. с нем. С.С. Аверинцева. М. : Радуга, 1984.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории / сост., вступ. ст. П.П. Гайдено; пер. с нем. М.И. Левиной. М. : Республика, 1994.
5. Михайлов А.В. Гёте и поэзия Востока // Михайлов А.В. Языки культуры. М. : Языки русской культуры, 1997.
6. Элиот Т.С. Гёте как мудрец // Элиот Т.С. Избранное. Религия, культура, литература / под ред. А.Н. Дорошевича. М. : РОССПЭН, 2004. С. 379–401.
7. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX век. Антология / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. М. : Юрист, 1995. С. 213–255.
8. Зиммель Г. Гёте // Зиммель Г. Избранные работы / отв. ред. А. Юдин. Киев : Ника-Центр, 2006.
9. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. / сост., пер. с нем. Ю.Н. Попова. М. : Искусство, 1983.
10. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / пер. с нем. Б. Ноткина. СПб. : Академический проект, 2003.
11. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / отв. ред. В.С. Малахов, коммент. В.В. Библина. М. : Искусство, 1991.
12. Кант И. Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1963–1966. Т. 5.
13. Гёте И.В. Собр. соч. : в 13 т. (Юбилейное издание) / отв. ред. Н.Н. Вильмонт. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1949. Т. 13.
14. Гадамер Г.-Г. Текст и содержание // Керни Р. Диалоги о Европе / пер. с англ. В.Л. Алёшиной, О.И. Кондратьевой; науч. ред. М.М. Фёдорова. М. : Весь мир, 2002.
15. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М. : Academia, 1997. С. 280–287.
16. Куда идёт российская культура? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2010. № 9.
17. Шубарт В. Европа и душа Востока. М. : Эксмо ; Алгоритм-Книга, 2003.
18. Goethe J.W. Werke / Johann Wolfgang Goethe. München : Verlag Beck, 1989. Bd. 1–14.
19. Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем., коммент. и прим. К.А. Свасьяна. М. : Мысль, 1993. Т. 1.
21. Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995.
22. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии / отв. ред. М.А. Маслин. М. : Владос, 1997.
23. Франк С.Л. Гносеология Гёте. О сущности художественного познания // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. 5.
24. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М. : Восточная литература, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 3 сентября 2013 г.